

Татьяна Соломатина

Роддом

Редакционно-издательская группа

представляет книги

ТАТЬЯНЫ СОЛОМАТИНОЙ

Больное сердце

Большая собака

Вишнёвая смола

Двойное дыхание

Девять месяцев.

Комедия женских положений

Мой одесский язык

Одесский фокстрот,
или Чёрный кот с вертикальным взлётом

Повесть о медицинском чиновнике.
Кафедра А&Г

Приёмный покой

Психоз

Роддом, или Поздняя беременность.
Кадры 27–37

Советы залетевшим

Узелки.

Великовозрастным младенцам на память

Роддом, или Жизнь женщины.
Кадры 38–47

Татьяна Соломатина

Радом,

или

ЖИЗНЬ
ЖЕНЩИНЫ

Кадры 38-47

Москва
АСТ

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2 Рос=Рус)6-44
С60

Оформление обложки *В. Камаева*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Соломатина, Татьяна Юрьевна

С60 Роддом, или Жизнь женщины. Кадры 38–47 : [роман] / Татьяна Соломатина. – Москва: АСТ, 2014. – 317, [3] с.
ISBN 978-5-17-086367-9

Татьяна Георгиевна Мальцева – начмед родильного дома. Недавно стала матерью, в далеко уже не юном возрасте, совершенно не планируя и понятия не имея, кто отец ребёнка. Её старый друг и любовник Панин пошёл на повышение в министерство и бросил жену с тремя детьми. Преданная подруга и правая рука Мальцевой старшая акушерка наблюдательного отделения Маргарита Андреевна улетела к американскому жениху в штат Колорадо...

Жизнь героев сериала «Роддом» – полотно из многоцветья разнофактурных нитей. Трагедия неразрывно связана с комедией, эпос густо прострочен стежками комикса, хитрость и ложь прочно переплетены с правдой, смерть оплетает узор рождения. Страсть, мечта, чувственность, физиология, ревность, ненависть – петля за петлёй перекидываются на спицах создателя.

«Жизнь женщины» – четвёртый сезон увлекательнейшего сериала «Роддом» от создательницы «Акушер-ХА!» и «Приёмного покоя» Татьяны Соломатиной.

А в самолёте Нью-Йорк – Денвер главную героиню подстерегает сногшибательный поворот сюжета. И это явно ещё не финал!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2 Рос=Рус)6-44

© Соломатина Т.Ю.
© ООО «Издательство АСТ»

КАДР ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

АД

*Т*атьяна Георгиевна Мальцева ходила по комнате взад-вперёд, раскачиваясь, как старый еврей на молитве или, если угодно, как Лобановский на тренерской скамье¹, и монотонно бубнила:

— Мы были там, — мне страшно этих строк, — где тени в недрах ледяного слоя сквозят глубоко, как в стекле сучок. Одни лежат; другие вмёрзли стоя...

Щёлкнул замок входной двери.

— Кто вверх, кто книзу головой застыв...

Зажурчала вода в ванной комнате.

— ...В безмолвии дальнейшем путь свершив и пожелав, чтобы мой взгляд окинул...

¹ Писала я недавно сценарий. Главный персонаж, нервничая, раскачивался. Это достаточно распространённая людская «дурная привычка», вовсе не свидетельствующая ни об аутизме, ни о шизофрении и проч. Просто ещё один способ нормализовать расшалившиеся «нервные токи». Молитва, к слову, тоже является не чем иным, как медитативной практикой. Второстепенный персонаж, ещё не знакомый с таковыми манерами центрального героя, интересуется: «Что ты раскачиваешься, как старый еврей на молитве?» На что редактор

Вошла детская медсестра и аккуратно приняла из рук Татьяны Георгиевны хорошенькую здоровенькую полугодовалую девочку в пижаме-комбинезоне.

— *Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...* — начала «сменщица» мамы.

Татьяна Георгиевна, недовольно поморщившись, тихо вышла в коридор.

— ...*Того, кто был когда-то так красив,* — печально глядя на своё отражение в зеркале, завершила она трёхстишие песни тридцать четвёртой. — Тупоголовая кретинка, за такие деньги можно было уже «Войну и мир» выучить наизусть! — прошептала Мальцева, становясь под душ.

Медработница отнюдь не была тупоголовой кретинкой. И со своими непосредственными обязанностями высококвалифицированной няньки справлялась на «отлично с отличием». Просто Татьяна Георгиевна находилась в состоянии страшного раздражения. И никак не могла выспаться. Вот уже полгода не имела возмож-

мне заявляет: «Уберите! Неполиткорректно! Канал не пропустит!» Я, недоумевая, чем это слово «еврей» хуже слов «русский» или «эвенк», тем не менее иду на поводу у редактора и меняю на: «Что ты раскачиваешься, как Лобановский на тренерской скамье?» Редактор попугайничает: «Уберите!» Этого-то за что?! «Зритель не помнит Лобановского!» Понятия не имею, как главный персонаж раскачивается в окончательном, экранизированном варианте, очень даже может быть — как колокольчик на ветру. Но дабы восстановить честь попранного политкорректностью еврея и достоинство оскорблённого склерозом аудитории Лобановского, отливаю их в бумаге. Они этого заслуживают вопреки всем абсурдным веяниям и параноидальным тенденциям.

ности как следует отдохнуть. Её драгоценное чадо, Марья Матвеевна Панина, могло без продыху орать часами напролёт. Замолкала дочь только на руках, когда её укачивали, мерно декламируя... «Божественную комедию» Данте Алигьери. Да-да, именно «Божественную комедию». Когда были опробованы тома колыбельных, несколько полков детских песенок и тетешек, километры нотных прописей маршей, гимнов и даже несколько узкоспециальных молитв, Мальцева в отчаянии произнесла — самой себе:

— Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь во тьме долины...

И голосистое неугомонное дитя внезапно умолкло и посмотрело на мать с осознанным любопытством. Татьяна Георгиевна запнулась и удивлённо уставилась на всего лишь тридцатидневную — тогда — дочь. Та немедленно возмущённо заорала вновь.

— Каков он был, о, как произнесу, тот дикий лес, дремучий и грозный, чей давний ужас в памяти несусь! — испуганной скороговоркой выпалила Мальцева. И кроха тут же погрузилась в довольную дрему.

Так с тех пор и повелось.

Но высокочлассная опытная детская медсестра, нанятая для присмотра и ухода, дальше песни первой никак не могла продвинуться. И вообще считала это блажью. О чём громко заявляла вслух. Не при Мальцевой, разумеется. А оставаясь наедине с малюткой

Марией Матвеевной Паниной — первой и единственной дочерью «пожилой» матери, — только ту самую первую песнь «Божественной комедии» и гнусила, диву даваясь, что это за ёлки-палки и почему больше ничего не работает. В любом случае — блажь! Что у старой, что у малой. Обе с сорванной резьбой. Жалко Панина. Роскошный мужик!

Старой Татьяна Георгиевна Мальцева не была. Ей было всего сорок пять лет. Но для первого ребёнка многовато, кто бы спорил. А вот для начмеда по акушерству и гинекологии крупной многопрофильной больницы — вполне терпимо. Её бывший любовник и старый друг Семён Ильич Панин ушёл в министерство, на должность зама по вопросам материнства и детства, ещё когда Мальцева была беременной. Сама она полагала, что вынашиваемый плод завязался в результате совместных утех с молодым мужчиной, интерном Александром Вячеславовичем Денисовым. Но Панин выяснил то, что выяснил, и...

И тут будет уместно вернуться на полгода назад, дабы не слишком нарушать логику повествования.

* * *

...Замминистра здравоохранения по материнству и детству Семён Ильич Панин прооперировал начмеда крупной многопрофильной больницы по акушерству и гинекологии Татьяну Георгиевну Мальцеву. А чьим ещё рукам она могла безоговорочно довериться? Пуповина плода Татьяны Георгиевны была опасно короткой, и в роды её никто не пустил. Она сама была против, в первую очередь. Кон-

сервативное родоразрешение в её возрасте при подобной клинической ситуации? Увольте! Так что с началом родовой деятельности она позвонила Панину, и...

И через час после прошедшей без осложнений операции Семён Ильич стоял в боксе детского отделения и задумчиво взирал на новорождённую девочку. Он всегда хотел девочку. Но Варвара рожала ему мальчиков. У него было трое сыновей и не было дочери. А Мальцева, сука, забеременела от этого мальчишки — и вот, пожалуйста! Нет, он не знал наверняка, что от мальчишки. Но сказано ведь: «Не от тебя!» Да и по срокам выходит — что не от него. Ну не сорок три недели же она носила!.. Хотя признаки переноса были. «Руки прачки». На истинно переносенную ни состояние плаценты, ни состояние новорождённой, конечно, не тянут. Но есть ещё беременность пролонгированная! И та может длиться хоть сорок пять недель! Исследования ВОЗ¹ говорят, что чуть не десять процентов общего количества беременностей — пролонгированные. И встречается пролонгированная беременность в основном у женщин старше тридцати пяти. А Танька куда как старше!

Панин пошёл в лабораторию, благо была ночь. Немного потоптался... Затем решительно набрал у себя из вены кровь, так яростно затянув зубами жгут над локтевым сгибом, что пребольно получил резинкой по морде. Разыскал пробирки с пуповинной кровью младенца Мальцевой. Ещё немного потоптался. И занялся делом.

...Удивительно, как эта гадина потрясающе выглядит! — отметил он про себя, зайдя позже к Мальцевой

¹ ВОЗ — Всемирная организация здравоохранения.

в палату. Как будто не полостную операцию перенесла, а... А у неё всегда так: чем хуже, тем лучше. Глубоко залёгшие тени, некоторая измождённость и очевидная слабость делали её прекрасной.

Панин присел рядом. Взял её руку и нежно поцеловал.

— Ты как?

— Всё нормально, Сёма...

— Таня, я тебя люблю.

— Я знаю...

— Прекрасная малышка...

— Я в курсе, Ельский сказал, что она, тьфу-тьфу-тьфу, здорова. Он мне её приносил.

— Нет, это самая прекрасная новорождённая малышка из всех, которых я принял. Я когда смотрю на неё — у меня лактация начинается. Всё-таки внуки — это внуки. Когда я смотрю на Алёшкину дочь, меня не так штормит. Внуки есть внуки, — со значением повторил Панин и пристально посмотрел на Мальцеву. — А дети есть дети... У нас прекрасная малышка, — отчеканил он.

Татьяна Георгиевна посмотрела на него с недоумением.

— Есть такая штука, — немного ёрнически начал он, — ПЦР¹-анализатор. Ну, ты в курсе... С его помощью можно с вероятностью девяносто девять и девять десятых процента сказать, кто является отцом. Так что поздравляю нас, моя дорогая. Теперь мы мама и папа. Я ждал этого всю жизнь. И жизнь немалую. Я даже рад, что только что узнал. Тебя бы я никому не доверил, но я не мог бы быть по обыкновению хладнокровен, зная, что извлекаю на свет божий собственную дочь. И будь добра,

¹ ПЦР — полимеразная цепная реакция, «считывает» ДНК — дезоксирибонуклеиновую кислоту, «флешку», содержащую генную информацию.

не лишай её отцовской фамилии, отцовского отчества и собственно отца, дрянь ты эдакая! Иначе я тебя всего на свете лишу!

Последнее было сказано твёрдо и жестоко. Затем Панин наклонился к онемевшей Мальцевой, нежно поцеловал в слегка синеватые пересохшие губы и вышел из палаты¹.

Было тридцать первое декабря.

С наступающим Новым годом! С наступающим новым счастьем!

Долгие годы ночь с тридцать первого декабря на первое января всегда была ночью Мальцевой и Панина. Её не интересовало, как ему это удавалось. Так было — и всё. Так было всегда после смерти Матвея. Совершенно непонятно, как Панин объяснялся с законной супругой Варварой Андреевной. Возможно, что и никак. А уж теперь-то... Панин ушёл от Вари. На сей раз ушёл всерьёз. Можно ли утверждать, что «окончательно и навсегда»? Кто может сказать? Во всяком случае, на сей раз он от неё ушёл так, что она поняла: муж ушёл. Её Сеня, отец их троих детей и дедушка их внучки, — ушёл. И даже не к другой. Поначалу. Сперва он просто ушёл от Вари. Пошёл на повышение, в министерство. И немедленно же ушёл от Варвары Андреевны. Купил однокомнатную квартиру — и ушёл. Бросил её на старости лет. Сказал, что хочет жить один. Не побыть

¹ Предыстории всех героев и перипетии развития сюжета см. в книгах Татьяны Соломатиной «Роддом. Серил. Кадры 1–13», «Роддом. Серил. Кадры 14–26» и «Роддом, или Поздняя беременность. Кадры 27–37».

один. А жить один. Вот так-то! Варя не могла понять, что происходит. Если бы он ушёл к бабе — ей было бы легче. А при таком раскладе Варваре Андреевне стало невыносимо тяжело. Именно из-за того, что «просто ушёл». Ни к кому. Некого винить. Нет образа врага, позволяющего чувствовать себя несправедливо растоптанной. Быть справедливо растоптанной — куда как более жестоко. Варя страшно мучилась. Она сама не подозревала, что способна испытывать подобное. Бесконечную ноющую пустоту. Лучше бы убил. Там хотя бы ничего. А если что-то и есть — то хуже вряд ли будет. Получается, вся её жизнь — зря? Подделка?! И жила она не так, и детей учила не тому? Особенно учитывая то обстоятельство, что как раз только-только старший сын расстался с молодой женой и новорождённой дочерью и переехал к операционной сестре из «травмы». Из собственной отдельной квартиры в приличном районе на неблагополучную окраину за Третьим кольцом, в съёмный клоповник! На все её увещевания кричал, что не собирается всю жизнь прожить, как она, — во лжи. Обвиняет мать, что она жила во лжи. Распущенный мальчишка! Что он знает о правде и лжи? Растить детей — вот единственная правда матери! Обеспечивать их здоровье, благосостояние и комфорт любой ценой! Даже ценой собственных страданий. Мать — это подвижничество. Отец — это подвижничество! А не по доступным женщинам прыгать! Жена ещё Лёшкина, дура малолетняя, упёрлась: даже если на коленях приползёт — не прошу! Хорошо ей «не прощать», когда живёт на всём готовеньком и жилплощадь у сына отжала. Тоже дрянь! Но надо улыбаться и

угождать. Иначе к внучке пускать перестанет. Рушится всё, что Варвара Андреевна создавала столько лет. Всё, что было ей дорого. Накопление, очаг, уют, семья. Старший сын — чужой человек. Средний и младший — в Англии, уже через раз русские слова забывают. Варя запуталась и ничего не понимала. С пониманием было бы легче. Даже если больнее и обидней. Непонятное же нас страшно пугает. Надпочечники не знают, чего бояться, и продуцируют очищенный вселенский ужас. Лимбическая система не распознаёт, что оплакивать, и рыдает за всё про всё и ещё немного про запас. Вот, например, что это значит: «хочу жить один»? С одной стороны, вроде бы всё предельно просто. Семья, трое детей и внучка, и хотеть иногда побыть одному — это да, понятно! А вот «хочу жить один» — совершенно непонятно и не уместается в сознании. Варвара Андреевна гоняла мысли и чувства по кругу, незаметно опускаясь с привычных высот. Зачем убирать на кухне и причёсываться, если дома никого нет? Семён Ильич исправно переводил ей деньги на банковскую карту, но она, казалось, этого даже не замечала. Что ей покупать? Зачем?! Мальчикам школу он оплачивал сам. Иногда звонил узнать, как у неё дела. Какие дела? После его звонков становилось ещё хуже... Он, похоже, совершенно не страдал. Напротив — был счастлив. Как выяснилось чуть позже — ему наконец-то родили долгожданную дочь. И кто?! Та, которой он никогда не был нужен! Та, которая растоптала его ещё в юности! Та, за которой он всю жизнь ходил хвостом, как ручная собачонка! Та, у которой Варя его подло украла, воспользовавшись ситуацией, а затем и наступившей по не-

осмотрительности беременностью... Не оттого ли тебе в зеркало не хочется смотреть, Варвара Андреевна?

У Семёна Ильича поначалу имелся вялотекущий роман с начмедом по терапии, но это был очевидный эрзац. Фальшивка. Начмед по терапии оживилась, узнав, что Семён Ильич ушёл от законной супруги. Даже предприняла ряд активных наступательных действий, которые привели к окончательному разгрому этих и без того хрупких и нелепых отношений. И Новый год Семён Ильич собирался в кои-то веки справиться в гордом одиночестве. Многое переосмыслить под телевизионный бой курантов. Или быстро тупо напиться, чтобы ничего как раз не переосмыслять и даже не успеть попытаться. Но вечером у Мальцевой начались схватки — и он понёсся её оперировать.

И узнал то, что узнал.

И сказал то, что сказал.

И вышел из палаты.

Было без пяти полночь, когда замминистра по материнству и детству снова в палату ввалился. Именно ввалился — иначе было и не назвать. Потому как всегда элегантный, опрятный, подтянутый Семён Ильич напоминал пресловутого Ипполита всея Руси. Панин был расхристан, зло печален и в дупель пьян.

— Змея ты, Танька! Подколотная! — с хмельным скоморошьям надрывом выкрикнул он. И осёкся. Осознав скорее телом, нежели мозгом, что палата полна народу.

Помещение, где в лёгком медикаментозном дурмане лежала на функциональной кровати Татьяна Георгиевна в первых сутках послеоперационного периода, было чуть не битком набито людьми в белых халатах и разноцветных пижамах. Все хотели поздравить начмеда немедленно. С рождением дочери и, разумеется, с Новым годом. Святогорский, примчавшийся на оказание анестезиологического пособия своей старой подруге (а теперь ещё и начальнице), торчал посредине просторной палаты ОРИТ¹ (куда перевёл Мальцеву из родильно-операционного блока вовсе не по показаниям, а для пущего контроля) с полным бокалом шампанского в руках.

— Сёма, тсс! — сурово сдвинув брови, шикнул он на Панина. Все остальные и так замолчали, узрев прежде высокое, а ныне — так и вовсе заоблачно высочайшее начальство в несколько неподобающем виде. — Семён Ильич, это отделение реанимации и интенсивной терапии! Здесь свежая кесарская женщина! И вы все тоже! — несколько театрально обратился он к публике. — Тут вам не кабак! И не номера! — Святогорский внезапно замолк. — Что-то это мне... — Заведующий «взрослой» реанимацией родильного дома, врач реаниматолог-анестезиолог высшей категории, доктор наук Аркадий Петрович Святогорский несколько растерянно посмотрел на кардиомонитор. — Что-то это мне напоминает... Ну как же! Точно! — хлопнул он ладонью по лбу и начал декламировать хорошо по-

¹ ОРИТ — отделение реанимации и интенсивной терапии.